

ВЛАДИМИР ЛЕГОЙДА
ЕЛЕНА ЯКОВЛЕВА

В Р Е М Я В З Р О С Л О Й

В Ф Р Ы

КАК СОХРАНИТЬ СВЯЗЬ С ВЕЧНОСТЬЮ

МОСКВА
2022

УДК 271.2
ББК 86.372
Л38

В оформлении обложки использована фотография:
rangizz / Shutterstock.com
Используется по лицензии от Shutterstock.com

Легойда, Владимир Романович.

Л38 **Время взрослой веры : как сохранить связь с вечностью / Владимир Легойда, Елена Яковлева. — Москва : Эксмо, 2022. — 320 с.**

ISBN 978-5-04-122756-2

Вера — трудный предмет для разговора. И потому что несет в себе опыт отношения с сакральным. И потому что касается внутреннего мира человека, центра его личности. И потому что опирается на вечные истины, определяющие человеческую жизнь и историю.

Честный, умный и смелый разговор о вере, которая пронизывает все и касается всего, даже, казалось бы, далекого от нее, входит в замысел этой книги, которая родилась из цикла разговоров ее авторов на страницах «Российской газеты».

Владимир Легойда — председатель Синодального отдела по взаимоотношениям Церкви с обществом и СМИ Московского патриархата, главный редактор журнала «Фома», профессор МГИМО, автор книг «Мешают ли джинсы спасению», «Декларация зависимости», «Церковь, возвышающая голос».

Елена Яковлева закончила Ростовский государственный университет. Работала журналистом в «Комсомольской правде», «Известиях», руководит отделом «Общество» в «Российской газете». Ведет религиозную тему.

УДК 271.2
ББК 86.372

© Легойда В., текст, 2022
© Яковлева Е., текст 2022
© Оформление. ООО «Издательство
«Эксмо», 2022

ISBN 978-5-04-122756-2

Оглавление

ПРЕДИСЛОВИЕ	5
БЕСЕДА ПЕРВАЯ	15
БЕСЕДА ВТОРАЯ	55
БЕСЕДА ТРЕТЬЯ	97
БЕСЕДА ЧЕТВЕРТАЯ	115
БЕСЕДА ПЯТАЯ	149
БЕСЕДА ШЕСТАЯ	171
БЕСЕДА СЕДЬМАЯ	199
БЕСЕДА ВОСЬМАЯ	225
БЕСЕДА ДЕВЯТАЯ	243
БЕСЕДА ДЕСЯТАЯ	261
БЕСЕДА ОДИННАДЦАТАЯ	277
БЕСЕДА ДВЕНАДЦАТАЯ	295
ПОСЛЕСЛОВИЕ	312

Предисловие Евгения Водолазкина

Во все времена Церковь призвана хранить Предание и доносить его до всякого нового поколения неповрежденным. Вместе с тем — ей следует как-то реагировать на то, что поколения очень разные и вообще мир меняется. Найти здесь *via media*, средний путь, очень непросто. Это как вести машину: чуть сдвинулся вправо — и уже надо срочно повернуть руль в противоположную сторону.

Важно не упрощать истину, которую несешь, но при этом говорить так, чтобы быть понятным. Решение приходится искать в довольно узком коридоре между высотой истины и внятностью изложения. Доступность не должна становиться той простотой, которая хуже воровства, а сложность — непреодолимым барьером. Если говорить языком богословских сочинений, то, пожалуй, мало кто поймет, о чем речь. Но и попытки всё перевести в примитивные конструкции («А и Б — благочестивые ребята, и за

это Бог дает им отличную работу и деньги») выглядят несостоятельными: Бог здесь, наверное, кончается.

Каждый человек, говорящий от имени Церкви, выбирает для этого соответствующий язык. Этот выбор — дело его личного опыта и таланта. Никакие общие рекомендации тут не работают.

Эта книга написана в форме беседы. Собеседники — Владимир Легойда и Елена Яковлева. Они начинали свой разговор на страницах газеты. Принято считать, что газетные темы быстро забываются. Убежден, однако, что и забытые события никуда не исчезают. Когда занимаешься древней историей и видишь некоторую уходящую в глубь веков перспективу, возникает пространство для сравнения. И тогда становится очевидным, что ни одно из обсуждаемых собеседниками событий — споры вокруг фильма, митинги против строительства храма, украинский раскол — не является тем, что происходит впервые.

Расколы? Бывали. Неоднозначное отношение к сакральному? Сколько угодно: вся история полна такими примерами, причем с самой древности. А если учесть, что эти вещи повторяются с удивительной регулярностью, то и реакция на события постоянно актуальна, и попытки осмыслить их. Поэтому диалоги по поводу конкретных тем и событий по большому счету не устаревают.

Владимир Легойда не делает вид, что не понимает каких-то вопросов, ведь это самый простой путь уйти от ответа: распространяться о чем-то своем. Он

Предисловие

говорит всегда по сути. Естественно, его ответы не могут быть в чистом виде свободным плаванием. Прежде всего потому, что он говорит не только от своего имени, но и от имени Церкви. Ему присуще чувство меры и стиля.

Не очень просто говорить вещи, которые произносятся по меньшей мере две тысячи лет. И на каждую реплику ты можешь услышать: «да я это знаю» или «не нужно нам рассказывать это в сотый раз». Можно, что называется, самовыражаться и быть интересным собеседником, но при этом не иметь ничего общего с истиной, которую представляешь.

Владимир Легойда умеет говорить свежо и в соответствии со временем. Демонстрируя определенный консерватизм (а он здесь должен быть, потому что речь идет о Священном Предании), он дает при этом понять, что отлично представляет, о чем его спрашивают, — и в той степени, в какой можно ответить, отвечает.

Когда участники диалога друг с другом согласны и обмениваются комплиментами так, что в этой компании чай можно пить без сахара, читать написанное, как правило, скучно. Статьи или интервью, лишённые внутреннего конфликта, сводятся либо к славословию, либо к повторению банальностей. При чтении этой книги скука читателю не грозит. Елена Яковлева хороша в своем стремлении оппонировать собеседнику. Это одно из тех качеств, которые делают ее прекрасным журналистом.

Главный принцип ведения таких диалогов, выработанный с давних времен, — это драматизация. Истина должна рождаться в определенном противостоянии — не том, которое ведет к разрыву: речь о противостоянии в его конструктивном виде. Такие разговоры выстраивать нужно как пьесу — тогда это будет настоящим искусством. И собеседники этим искусством владеют вполне.

Журналист спрашивает не о вещах, которые должны противопоставить его собеседнику, но о том, что по-настоящему важно. Мне кажется, что у нас в разговорах на церковную тему часто пытаются сглаживать углы и избегать непростых вопросов.

В этой книге меня подкупает искреннее желание не пытаться обойти подводные рифы, когда речь идет о церковных событиях.

Критический взгляд плох, если он имеет своей целью разрушение.

Здесь же видно с первого предложения, что сложные вопросы задаются с мыслью о том, чтобы лучше обустроить наш общий церковный дом.

Эти интервью можно было бы разрезать тематически — и построить разговор внутри тем. Но тогда возникают свои большие потери — теряется хронология. А высказывания — они все-таки делаются и важны в контексте времени. В этих интервью контекст сохраняется — и помогает понять, почему человек так говорил.

Предисловие

Мне кажется очень важным, что такие темы затрагиваются в прессе. Потому что, если они будут обсуждаться только в церковных журналах, есть опасность, что Церковь вообще превратится в подобие гетто. Если она будет лишена общественных средств массовой информации, ей придется совсем трудно.

Речь в книге идет о времени, которое условно можно назвать «временем патриарха Кирилла». Авторы книги считают, что это время «высокого спроса». Патриарх Кирилл — человек горячий и искренний, если угодно — не теплохладный. Таким ведь и должен быть пастырь. Мне нравится, что внешне он не похож на благостного старца, скорее — на петербургского профессора: речь его — не «плетение словес», она ясна, аргументированна и состоит из четких формулировок. Для меня существенно и то, что это человек в высшей степени образованный. Разумеется, не образованность — главная цель духовного делания, но она совершенно точно не препятствует ему. Смею предположить, что, напротив, очень помогает.

Для какой-то части СМИ патриарх стал мишенью, потому что он на виду, а антицерковные настроения у нас, увы, довольно сильны. В погоне за «компрома-том» эти издания всегда на низком (до чего уместное определение!) старте. Такое напряженное ожидание ничего, кроме грусти, не вызывает, поскольку все эти выстрелы — в самих себя. Мы же видим, какая сейчас в обществе разлита агрессия, а оппоненты Церкви

воюют с тем единственным, что эту агрессию могло бы сдержать.

Наше общество сегодня разделено. Воцерковленных людей не так уж и много, хотя верующими считают себя 70 процентов россиян. В этот процент входят те, для кого принадлежность к православию — чистая формальность или вопрос их национально-культурной идентификации. Здесь, конечно, есть опасность, что Церкви предоставят в обществе место этнографического музея, о чем говорил патриарх.

В этих условиях беседовать на церковные темы — задача непростая даже для глубоких и вдумчивых авторов. Здесь многое зависит от читателей — таких же вдумчивых и глубоких. В сущности, главные собеседники — именно они. Их больше, чем может показаться.

Предисловие авторов

ВОПРОСЫ, НА КОТОРЫЕ МЫ ИСКАЛИ ОТВЕТЫ

Что нам приготовил год столетия революции?

Достойно ли было отмечать эту дату фильмом «Матильда»?

Продлится или закончился спор об Исаакии?

Донкихотствует или ошибается Наталья Поклонская?

Нужно ли Церкви судиться с художниками-провокаторами?

Почему мы приучили себя к паркетному восприятию церковной жизни?

Подрывают ли авторитет Церкви сношибательные скандалы?

Как относиться к праведникам и грешникам?

Как воспринимать амбиции и промахи?

Как строить диалог между светским и религиозным крылом общества?

Куда исчезли православные девушки в платках и длинных юбках?

Может ли у миллионера быть золотое сердце?

О чем плачут богатые и чем опасен их разрыв с бедными?

Как воспитать человеческую душу?

Угрожает ли российским вузам деградация студентов?

Чем опасна для образования идеология услуги?

Как заставить читать сложные лонгриды и учить стихи поколение интернета?

Почему уважение к людям важнее идеологии «мы вас заставим»?

Почему легко приписать «Мерседес» тому, у кого его нет?

Почему святому не надо спорить со скоморохом?

Почему вера возвращается в центр мировой общественной жизни?

Почему русским монахам часто неинтересны наука и искусство?

Как уйти от карикатурного восприятия религии?

В чем Галилей был умнее папы римского?

Почему Церковь — не министерство нравственности?

Почему гордиться своей страной — не смертный грех?

Почему студентки разговаривают в соцсетях матом?

Чем интересен «Грех» Андрея Кончаловского?

Чем убедить не читавших Достоевского?

Счастливы ли кроткие и плачущие?

Почему церковное назидание должно сопровождаться помощью человеку?

Почему манифест Константина Богомолова стал текстом-детонатором?

Эти вопросы обсуждали глава Синодального отдела по взаимоотношениям Церкви с обществом и СМИ, профессор кафедры мировой литературы и культуры МГИМО Владимир Легойда и журналист Елена Яковлева.

Книга представляет цикл разговоров, опубликованных в «Российской газете», и актуализированные комментарии к ним. Автор идеи — главный редактор «Российской газеты» Владислав Фронин.

Беседа первая

Прощай, Матильда!
Здравствуй, честь

Разговор об уроках революции, искусстве спора
и просто искусстве для всех вер и возрастов

Дата публикации: 13.04.2017

Неосвоенный урок 17-го года

— 2017 год — год столетия революции. Такое ощущение, что Церковь сегодня — самый большой ее несимпатизант. Патриарх Кирилл, кажется, яснее всех высказывается о бедственных последствиях революции. Справляется ли наше общество с осмыслением ее уроков? Примиримся ли мы во взглядах на свою историю?

Владимир Легойда: Патриарх Кирилл не раз говорил о главном уроке событий 17-го года и последующего за ним столетия — это нежизнеспособность общества без Бога. Общество, в котором открыто выступают против Бога, заканчивает крахом. Что-то похожее ждет даже общества, никогда открыто не декларировавшие богоборчество, но вытесняющие Бога из своей жизни...

Так что урок получен. Но не уверен, что усвоен. Бог есть любовь, поэтому нашу солидарность Он ставит выше, чем эгоизм. Дефицит любви не позволяет усвоить урок до конца.

Чтобы его усвоить, люди должны хорошо слышать друг друга и то, что говорится. А мне кажется, что, при всем обилии разговоров на эту тему, слышим мы друг друга плохо. Живем в обществе огромного ко-

личества непересекающихся монологов. Полилога, полифонии нет. Их возникновению мешает устойчивый набор идеологических и политических штампов. Все услышанное наше ухо привычно раскладывает по схеме — «свой–чужой»... Удручает тотальный отказ противоположных сторон искать хоть что-то общее, что позволит нам почувствовать друг друга частью одного — одного народа, одной культуры... Когда заканчиваются драчливые теледебаты, не возникает ощущения, что вот сейчас свет погаснет и те, кто сходил на кулачках, сядут и о чем-то договорятся.

А вошедшие в нашу жизнь (помимо газет и ТВ) социальные сети только усиливают стремление, не разобравшись, раздавать негативные нравственные диагнозы всем, с кем мы не согласны. Государству, политическим противникам, социальным и национальным группам, даже соседям. Эти штампы-предубеждения исключают диалог и взаимодействие. Исключают полутона. В таких условиях трудно и осмыслить, и примириться. И оценки прошлого еще продолжают нас разделять.

А почему бы не попробовать сделать так, чтобы разделения прошлого не оставались для нас маркером, тем более — не делались маяком? Мы должны это все и оставить в прошлом. Не примириться со злом, нет. Все надо называть своими именами и не пытаться утверждать, что не было репрессий, невинно посаженных и расстрелянных и что Бутовский поли-

гон — не Бутовский полигон. Это все чудовищно, как и чудовищно то, что об этом мало знают.

Но нам, живущим сегодня, нужно примириться друг с другом — в нашем отношении даже не столько к прошлому, сколько к будущему. И без требования от других всенародных покаяний... С богословской точки зрения покаяние — это личностный акт, нельзя каяться в том, что ты не совершал... А жесткие дискуссии хороши для академической среды.

— **Вы серьезно?**

Владимир Легойда: Да. Потому что академические бои не выливаются на улицы, не раскалывают общество, из-за них не бьют витрины, не убивают и не калечат людей. Там жесткие правила, выше критичность мышления, обязательна доказательная база. Любую восклицательную подачу «новая историческая сенсация!», «нашли секретные документы!» ученые воспринимают даже не как интригующую публицистику, а как профанацию. Вот пусть они и бьются до победного конца.

А наша задача иная: ни в коем случае не передать в наследство сегодняшней молодежи — так не похожему на нас «поколению дизайна» — эту нашу войну по поводу собственной истории. Поэтому в обычных разговорах о революции важно сохранять то, о чем говорил патриарх, — нравственные ориентиры. Зло не называть добром. Не сохранять в исторической памяти имена злодеев как имена героев (поэтому Церковь и выступает за переименование улиц).

Но Церковь всегда, в отличие от любой общественной и политической силы, руководствуется пастырским подходом. А он устремлен к максимальному сохранению мира — душевного, общественного, социального. Это хорошо, кстати, было видно на примере недавно опять разгоревшейся дискуссии о выносе тела Ленина из Мавзолея. Кто-то сгоряча даже заявлял: если ты не готов требовать немедленного захоронения Ленина, ты не православный! Но зачем же фактически догматизировать и сакрализировать эту тему?

Дон Кихот над бюстом императора

— К вопросу о сакрализации. Похоже, сакральное содержание с трудом воспринимается современным, хоть и постатеистическим обществом. Гиканье, которое сопровождало новость от Натальи Поклонской, о том, что в Крыму замироточил бюст государя Николая II, тому пример. Не надо торопиться делать большой новостью таинственное и чудесное?

Владимир Легойда: Никакого особого религиозного содержания в истории с царским бюстом нет. По сути ситуации были оперативно сделаны комментарии — епархией, другими представителями Церкви. Все заискрило, потому что Поклонская — известный человек. Кто-то увидел в этом этакий постмодерн: то она говорит о мироточении, то вдруг

играет «Мурку». Она что, настолько расчетлива или слишком наивна?

А вдруг эта наивность — проведу рискованную параллель — донкихотство, хотя бы отчасти? Герой Сервантеса ведь смешон, потому что он рыцарь в эпоху отсутствия рыцарства.

Я незнаком с Натальей Поклонской и не могу, не хочу, да и не имею права судить. Но вполне себе представляю такую ситуацию: искренний, честный и, может быть, в чем-то наивный человек «без игры» — становится политиком. А политик по нынешним стандартам должен ясно понимать, когда и почему его поведение способно вызвать насмешки и осуждение. И это вопрос ответственности политика.

И все же больше всего в этой ситуации меня удручает то, как легко попирается человеческое достоинство. Это намного хуже, чем чья-то ошибка или тем более наивность.

Конечно, огорчает и подача этой темы людьми, убежденными, что странные христиане верят в какие-то странные чудеса, и все это вместе нечто темное и мрачное.

Для христиан главное чудо — не столько в нарушении физических законов мира, сколько в самом факте присутствия Бога в нашей жизни. Бог, творец вселенной, непостижимый и недостижимый, присутствует в нашей жизни! Человек от Бога уходит, а Бог его спасает — вот самое большое чудо!

И хорошо бы публике постатеистического времени наконец понять, что представления христиан о Боге далеки от тех, что являлись в советских спектаклях кукольного театра Образцова. Где Бог был лысым дедом с бородой, лепившим из теста человечков.

Дуэль с обществом

— Александр Солженицын в «Размышлениях над Февральской революцией» дает великолепный антиреволюционный рецепт — не допускать дуэли общества и государства. Такая «дуэль в миниатюре» — только между Церковью и обществом — была видна, мне кажется, в споре вокруг Исаакия. Можно ли было ее избежать?

Владимир Легойда: Возможно, все непосредственные участники событий — и город и епархия — не ожидали такого резонанса. Сегодня говорят о том, что не посоветовались с людьми. Но, поверьте, никто так не смотрел на ситуацию: давайте мы быстро все сделаем, а с народом советоваться не будем. Есть закон, есть процедура, есть накопленный опыт принятия подобных решений... То, что теперь выглядит как дуэль вокруг Исаакия, во многом было спровоцировано политическими силами, которые умело использовали в том числе и искреннее беспокойство людей: а что же теперь будет с собором?

Мне кажется, что патриарх расставил все точки над *i* в этой истории. В своем выступлении на Высшем

церковном совете он сказал, что есть люди, которые волнуются и критикуют, переживая, как бы что не случилось с культурным наследием. И мы этим людям отвечаем: Церковь его сохранит. Но также очевидно, что определенные политические силы попытались использовать эту ситуацию, и на улицах Петербурга зазвучали политические лозунги, не имеющие никакого отношения к Исаакиевскому собору.

Суть наших планов относительно Исаакия проста: если раньше в нем была богослужebная жизнь при музее, то мы хотим, чтобы была музейная деятельность при Церкви. Полагаю, это и справедливо, и честно, и должно всех устроить. А никакого глубинного конфликта между музейным сообществом и Церковью нет. И быть не может.

— Но этот спор поднял важную тему церковного культурного наследия. Готова ли Церковь его хранить или для этого ей нужен союз с высокими профессионалами из сферы культуры?

Владимир Легойда: Такой союз безальтернативен. Сохранять будем вместе. Исторически музейное дело в нашей стране выросло во многом из церковных древлехранилищ. И поэтому здесь существует органическая связь между Церковью и культурой, и не надо задавать им некое обязательное противостояние.

В советское время музейные работники — низкий им поклон — сохранили церковное культурное наследие. Из-за запретов, разрушений, гонений на Церковь только они и могли его сохранить. Как культурное

наследие. При этом, конечно, с религиозной точки зрения собственно религиозное значение того, что также является памятником культуры, все равно первично. Только Церкви при этом не надо по каждому поводу вменять культурное святотатство.

В древние времена в Церкви могли, не реставрируя, записать старинный стершийся лик иконы новым. Потому что иконы, храмы для всех тогда были, если применять современный новояз, исключительно «предметами религиозного использования». И только появившаяся гораздо позднее светская культура стала смотреть на них сугубо эстетически. И, конечно, в этом взгляде нельзя никому отдать роль «первой скрипки», кроме светской культуры. Но она при этом не должна быть антагонистом Церкви.

Религия не растворяется в культуре. Потому что самое главное в религии — спасение. А оно не совершается в пространстве культуры или культурными способами. Это уже «прорыв к трансцендентному»... В религии, даже в религиозном памятнике культуры эстетическое не может быть главным — с точки зрения верующего. Мы, безусловно, признаем культурную ценность, готовы охранять ее вместе с музейным сообществом, но не можем возвести — тут я готов дискутировать с глубоко уважаемым мною Михаилом Борисовичем Пиотровским — собственно культурное в рамки сакрального.

— Его фраза «По мне так музей — святое место» — лишь метафора очень высокой ценности культуры.

Владимир Легойда: Хорошая метафора. Но для верующего человека святость, святыня — не метафоры. Уж по меньшей мере символ — в «лосевском» смысле слова, если вспомнить замечательную «Диалектику мифа» Алексея Федоровича. И в этом, наверное, разница подходов. Главное не начинать из-за этого битвы. Ибо для нее нет предмета.

Помню, будучи студентом и подрабатывая, я сопровождал одного швейцарского профессора по Золотому кольцу. Он был потрясающим знатоком православной архитектуры, но неверующим. И вот в каком-то храме ему что-то не понравилось по части то ли ухода, то ли как свет был выставлен, и он с болью повторял: «Они не понимают!» А я тогда подумал: а может быть, и вы, дорогой профессор, чего-то большего не понимаете, чем стоящая рядом с вами женщина со свечкой, по лицу которой текут слезы? Конечно, для него самое ценное, что это XVII век, а для священника в этом храме главная ценность — слезы этой женщины.

Но это не значит, что можно мыть древние иконы хозяйственным мылом. И что их не надо сохранять.

— Отец Павел Флоренский писал: раз есть «Троица» Рублева, — значит есть Бог.

Владимир Легойда: Это, мне кажется, немного о другом. Мы же с вами заговорили о природе эстетического. Искусство не меняет кардинально людей и жизнь. Иначе бы человек, посмотрев кино и пережив катарсис, вышел бы из кинотеатра и начал новую жизнь. Но не меняет оно нас так. Недавно об этом за-

мечательно сказал Андрей Сергеевич Кончаловский: «уже столько великих произведений создано, а мы все как-то далеки от идеала».

— Если серьезно зацепиться за искусство, я думаю, оно меняет человека. И сильно. Очень люблю вычитанное в дневниках у отца Александра Шмемана утверждение: Бог живет не только в церкви, он живет и в искусстве, и в природе.

Владимир Легойда: Да, Он везде живет. Но можно, умело читая книгу природы, Божиего творения, остаться неверующим. Поэтому важен и спасителен собственно религиозный путь. Кстати, Флоренский так говорил о «Троице», потому что видел в ней не просто художественное произведение, но «узренное откровение», то есть молитву, мировоззрение, «умозрение в красках», как выразилась Трубецкой. Более того, «истинным творцом» «Троицы» Флоренский предлагал считать даже не Рублева, но преподобного Сергия Радонежского, чьим духовным внуком, по мнению Флоренского, был Рублев.

Прощай, Матильда, здравствуй, царство

— Весной этого года разгорелся еще один важный спор между творческой интеллигенцией и Церковью — по поводу фильма «Матильда».

Владимир Легойда: ...которого пока никто не видел. Да, ситуация, скажем так, немного необычная. Я встречался с Алексеем Учителем, мы интересно

пообщались. Драматургический сценарный ход понятен: герой попадает в ситуацию, когда его любовь к женщине вступает в конфликт с необходимостью исполнения государственного долга, который на него обрушился.

— В реальной истории этого не было? Но художник имеет право на вымысел.

Владимир Легойда: Безусловно, имеет. Как и на интригу, на интересный ход. Но он должен быть готов к реакции, например, историков, которые скажут, что такого не было. Или что все было совсем не так.

Я как культуролог и сам все время объясняю своим студентам: да, природа искусства предполагает право художника на вымысел. Но здесь же очень важен и вопрос об ответственности. Вот, скажем, есть вещи, по поводу которых сложился общественный консенсус. Мы же понимаем, что если тема Холокоста вдруг будет представлена скандальным образом, то никто не кинется защищать оскандалившегося. Потому что есть согласие во взглядах на эту тему. Но почему тогда религиозные, христианские чувства, взгляд на исторические фигуры претерпевших страдание людей не должны быть оберегаемы таким консенсусом?

Один известный режиссер снял фильм о войне, возмущивший ветеранов. Имел он право на художественный вымысел? Да. Можем ли мы успокоить ветеранов рассказами об этом праве? Нет. Будем на-

деяться, что в ситуации с «Матильдой» конфликта не произойдет.

— Но однажды в споре с подавшими в суд ветеранами были правы не они, а написавшая когда-то замечательную книгу «У войны не женское лицо» Светлана Алексиевич. Я не поклонник книги, за которую она получила Нобелевскую премию, но... Художники прорывают штампы, сдвигают фокус зрения.

Владимир Легойда: Главное, чтобы зрение от этого не портилось. Я сейчас даже не о том, кто прав, а кто виноват (хотя и к обычным людям, не только к святым, важно относиться бережно, особенно когда погружаешь их жизнь в поле художественного вымысла). А о том, что бывают конфликты.

И вот если конфликт уже возник и не успокаивается, то самый цивилизованный способ разрешить такой конфликт в современном демократическом обществе — это вывести его в правовое поле.

Помните ситуацию с оперой «Тангейзер» в Новосибирске? Мне не нравилось, что она дошла до суда. Но приходится констатировать, слегка перефразируя Черчилля: разрешение конфликта в суде — ужасно, если не считать всех остальных способов. «Остальные способы» — срыв спектаклей, избиение актеров, сожжение театров, закидывание кого-то яйцами и помидорами — еще хуже. Когда появился закон об оскорблении религиозных чувств, я, давая официальный комментарий, сказал: мы за то, чтобы не было ни одного приговора по этой статье. Потому что при-

говоры будут означать, что у нас пренебрежительно относятся к вере. И это прискорбно.

— **О консенсусе, который мне кажется важнее приговоров.** Наверное, христианские ценности должны быть не только предметом огорчений для переживающих за них религиозных людей, но как раз предметом широкого общественного консенсуса. Именно потому, что это христианские ценности. Но, может быть, не обязывать к этому общество через суд, а приглашать его к пониманию того, что по поводу этих ценностей недаром и не зря уже сложился широкий — почти мировой — общественный консенсус. И другая вера не запрещает чтить их.

Владимир Легойда: Да, но общество все-таки шире, чем интеллигентский круг. Действовать только убеждением невозможно. Например, защита ценности человеческой жизни силой закона и принуждения тысячелетиями не вызывает ни у кого вопросов.

— **Но такое ощущение, что приговоров больше, чем разговоров...**

Владимир Легойда: Юрий Лотман говорил: у каждого человека свой болевой порог. Кому-то больно, когда обидели его, кому-то — когда задели его и его близких. А культурному человеку, говорил Лотман, больно от чужой боли. Пусть человеку непонятно, почему у меня болит. Но если он человек культуры, ему должно быть больно от моей боли.

Искусство на высоте

— Искусство слишком увлечено провокационными языками.

Владимир Легойда: А провокаторы — люди культуры? По Лотману? Интеллигентный человек, когда ему говорят, что он кого-то обидел, а он уверяет, что этого не хотел, — извиняется. Без условий и оговорок.

— Но недаром тот же Пиотровский относит актуальное искусство скорее к массовому, чем к высокому. Задеть кого-то — это прием. Особенно когда в церкви говорят: руки прочь от классики.

Владимир Легойда: Конечно, классика не обладает авторитетом Священного Писания. И нет ничего святотатственного или запретного в ее авторском прочтении. Выходил же Высоцкий читать монолог Гамлета в джинсах, и это никому не казалось издевательством над классикой. Но если просто человек в джинсах, скажем, ловко справляет нужду на сцене — при чем здесь Гамлет?

Конечно, не всегда легко провести одну для всех линию, отделяющую искусство от подделки. Нередко мы руководствуемся интуитивными ощущениями, каким-то своим внутренним критерием. У меня он такой: в талантливом произведении искусства не видишь неточностей. В одном из лучших фильмов Никиты Сергеевича Михалкова «Неоконченная пьеса для механического пианино», в сцене, где герой бежит с отчаянным монологом «Мне 35 лет!», в кадр попада-

ет осветительный прибор. Я его заметил, лишь когда мне об этом сказали, хотя фильм смотрел много раз. Просто сыграно и снято гениально.

Или в «Записях для себя» у Вересаева — циничный офицер пошел на Айседору Дункан, потому что ему сказали, что она танцует голая. Она, действительно, танцевала в прозрачной накидке, но он был настолько потрясен ее танцем, что вообще не мог вспомнить, в какой она была одежде.

А когда ты только и видишь, что герой на сцене либо буквально голый, либо что-то сжег, либо еще какой «перформанс» или «инсталляцию» сотворил, то да, сразу налицо провокация, а искусства нет.

А вот совсем недавно я видел искусство, достигшее, по-моему, религиозно-философских высот. Я про «Рай» Кончаловского. Признаюсь, шел на премьеру с некоторым страхом: слышал про очень длинные монологи, авторский взгляд и проч. Но замер с первых минут.

Это потрясающий, чрезвычайно глубокий фильм. Сам режиссер признавался, что его интересовала тема привлекательности зла, эстетизации зла. Тема, конечно, не сугубо религиозная, но связанная с религиозным измерением: и сатана рядится в одежды ангела света...

Потрясающе, как режиссеру удалось это показать. Приведу только один эпизод: один из главных героев, нацистский офицер (при этом по образованию филолог, славист, ценитель культуры), приезжает в концлагерь с проверкой и встречает там своего универси-

тетского товарища. И тот говорит ему: «Помнишь, у Чехова была невеста? Дуня Эфрос». — «Да, помню, он не женился на ней». — «Расскажу тебе маленькую незначительную деталь. Она недавно пошла прямо в газовую камеру. Ей было 67 лет».

И этот диалог сильнее многих сцен с оторванными руками и головами.

10 студентов-первокурсников журфака МГИМО — вся группа — пошли смотреть «Рай». Потом, потрясенные, написали очень искренние и интересные рецензии. Потому что искусство. Настоящее.

Актуально

Украинский разлом

Владимир Легойда: На каждой литургии в церкви звучит молитва об Украине. Всех нас волнует происходящее там. У меня там много родственников, я знаю, какая для многих это трагедия...

Но мне кажется, сейчас важно помнить, что это тяжелейшее гражданское противостояние, украинский разрыв и разлом, прошедший даже по семьям, — закончится.

И поэтому, при огромном информационном накале с разных сторон, нам не надо сегодня сводить отношения между народами к драке и уплощать их до политических разборок.

И Киев — мать городов русских, не должен превращаться у нас в столицу зла, в игрушку политического противостояния. Они говорят плохо о нас, нам хочется ответить «у вас еще хуже», но давайте останавливаться.

Церковь титаническими усилиями пытается сохранить и мир на Украине, и отношения между нашими народами... Потому что — две страны, два народа, но одна церковь. И придет время — об этом много раз говорил патриарх — и здесь собирать камни.

Прямой вопрос

— Почему тема «русского слова» сейчас так важна для Церкви?

Владимир Легойда: Святейший Патриарх Кирилл недавно хорошо об этом сказал. Есть такое представление, будто Церковь, мол, беспокоится лишь о преподавании основ православной культуры. А на самом деле Церковь — и нас всех, как граждан, и патриарха лично — беспокоит состояние образования в целом. И тому, если угодно, есть даже собственно религиозные причины. Коль скоро говорится «возлюби Бога всем сердцем твоим, всей душой, всем разумением твоим», то, конечно, разумение, интеллектуальное развитие, это то, что Церковь не может не ценить, на что не может не обращать внимания.

Я не разделяю многих популистских и идеологизированных алармистских высказываний о печальных изменениях в русском языке. Кому-то одно появление в нем иностранных слов кажется чуть ли не уничтожением. «Панталоны, фрак, жилет, всех этих слов на русском нет», но когда они появились, великий и могучий язык не умер. Серьезные лингвисты относятся к этому иронически. Иногда такой популистский алармизм нужен лишь для сотрясения воздуха.

Но положение языка, сохраняющего смысловое и культурное пространство и являющегося частью общего культурного поля, конечно, беспокоит Церковь. Язык — и основа коммуникации в культуре, и залог ее сохранения.

Мы понимаем, что прежде всего нужно нормальное изучение русского языка в школе. Потому что образование — употребляю, несмотря на дискредитированность, это слово — одна из скреп народа. Нация, народ собирается системой образования.

Однако Общество русской словесности, которое патриарх возглавил по просьбе президента, уж точно не общество, в которое пришли люди Церкви для решения сугубо церковных задач. Нет, это возглавляемое патриархом сообщество профессионалов, которое, диагностируя сложную ситуацию в образовании и преподавании русского языка и литературы, пытается помочь ее изменить. Получив карт-бланш от государства доносить свои наработки до тех, кто

за это отвечает — в Министерстве образования, Рособнадзоре и т. д. В Обществе созданы и действуют несколько групп, проделана очень большая и профессиональная работа.

И нет ни у кого желания сузить русскую литературу до одного учебника. Хотя есть обеспокоенность тем, что вариативность сегодня позволяет учителю единолично решать, включать ли Толстого с Достоевским в школьную программу. Вот этого хочется избежать.

Разговоры вдогонку

Об истории и революции

Владимир Легойда: Мы часто говорим о необходимости разобраться с историей и расставить все точки над «и» в ее оценках. А отсутствие таких однозначных оценок рассматриваем как свою проблему. Нередко сравниваем себя с другими странами — не в нашу пользу.

Но вот эта позиция «Смотрите, они решили свои проблемы, а мы нет, так нам надо решить так же, как и они» немножко наивна, но еще более контрпродуктивна. Иван Иванович решил так, потому что он Иван Иванович, а ты Петр Петрович, и у тебя эта проблема должна решаться по-другому. Не нужно думать, что ты должен ее разрешить точно так же, как он.

В этом стремлении решать свои проблемы, сравнивая их с решениями похожих проблем в других странах, мне слышится некий отголосок давнего, большого, имевшего хорошую репутацию, но уже во многом истратившего себя «проекта Просвещения». Когда предполагалось, что есть некие незыблемые законы жизни человеческого общества, не обусловленные (sic!) никакой культурно-религиозной картиной, и чтобы все было хорошо, их нужно просто соблюдать.

Это очень наивно и контрпродуктивно, все эти параллели и упреки в нашу сторону: вот эти страны решили, а мы не решили. Посмотрите на проблему с афроамериканцами в США, еще недавно всем казавшуюся решенной. Я, как американист, в институте изучал все эти концепции *melting pot* (плавильного котла), где все нации переплавляются в единый американский народ. А оказалось, что все это не работает. И никто сегодня всерьез не вспоминает про этот плавильный котел. И еще, кстати, можно поспорить, какая общность была более монолитной — советский или американский народ. По каким-то показателям советский народ точно был более монолитным.

И поэтому, мне кажется, не нужно ждать, что мы должны пройти за кем-то точно такой же или похожий путь.

А поскольку, как я считаю, нет алгоритма решения исторических проблем, мне кажется, они будут решаться самим временем.

Недавно директор одной московской школы мне сказал (по совсем другому поводу), что кажущееся нам неразрешимой проблемой потомкам таковой казаться не будет. И не потому, что они найдут способ ее решить, а потому, что перестанут воспринимать ее как проблему. Например, я не исключаю, что когда-то жаркие споры «выносить Ленина из Мавзолея или не выносить?» в какой-то момент перестанут быть вопросом. И его либо тихо вынесут, либо столь же тихо оставят. Без всякой острой дискуссии по этому поводу.

Я человек, который очень серьезно относится к мифологии, к национальной мифологии (под мифом я понимаю не выдумку и что-то не соответствующее реальности, а особое состояние сознания, сложившуюся систему ценностей и оценки прошлого; как иногда говорят, миф «в лосевском смысле слова» (А. Ф. Лосев — русский, советский философ, автор книги «Диалектика мифа». — *Ред.*). И вот когда мы говорим, что не дадим переписать историю, мы по большому счету боремся за свое право определять свои ценности. Отстаиваем свое право на свою оценку нашего прошлого. Сегодня нередко слышна критика отношения к Великой Отечественной войне. Я недавно у кого-то прочи-

тал, что, мол, окончательно сложилась российская «гражданская религия» Великой Отечественной войны с ее главным праздником 9 Мая. Но тогда можно сказать, что у нас сложилась и «гражданская религия» Отечественной войны 1812 года. Такое можно найти в истории любой страны, и на самом деле ничего другого у страны быть и не может. У нее обязательно должна быть какая-то своя национальная мифология, своя историософия. Как в свое время усилиями Августина очевидной вещью стала христианская историософия, он сформулировал подходы к ней в сочинении «О граде Божьем». Это нельзя оценивать с точки зрения, соответствует ли сказанное некой объективной реальности или нет (в том числе потому, что очень сложно определить, а что это такое — объективная реальность? Грань между фактом и его интерпретацией нередко чрезвычайно тонка и едва различима). Скорее с точки зрения: а мы готовы дальше вот с таким чувством истории идти или не готовы? Главное событие 19-го века для самосознания русского человека — конечно же, война 1812 года. И словно предвосхищая это настроение потомков, Суворов задолго до этого воскликнул: «Мы — русские, какой восторг!» Без этого не было бы и России 19-го века, не было бы и нас сегодняшних.

И была в этих словах квинтэссенция времени, которое еще не наступило. Просто он это гениаль-

но интуитивно почувствовал. И поэтому мне очень странно слышать какие-то оценки, покушающиеся на празднование 9 Мая. Конечно, неприятно, когда видишь в отношении к празднику какой-то формализм, но то, что это важное событие и вокруг него сегодня собираются основные смыслы жизни страны и общества, это данность. И я уж точно не вижу в этом ничего плохого. Все было бы намного сложнее, если бы чувства собирались вокруг расстрела Белого дома в 1993-м или чего-нибудь подобного.

Понятно, что восприятие войны всегда было сложным. Давайте вспомним песню Высоцкого «Я — Як-истребитель», написанную человеком, с особым трепетом, свойственным его поколению детей войны, относившимся и к фронтовикам, и к войне... Но песня-то очень непростая...

Нет идеальной модели восприятия войны и представления о ней, которое всеми одинаково разделяется.

Еще В. О. Ключевский, возможно самый глубокий русский историк, писал: «Я не знаю общества свободного от идей, как бы мало оно ни было развито. Само общество — это уже идея, потому что общество начинает существовать с той минуты, как люди, его составляющие, начинают сознавать, что они — общество». Само общество — уже идея. И то, что у нас сегодня (социологи это, кстати, подтверждают) тема Великой Отечественной войны, тема победы — это

то, что собирает разные поколения, при действительно больших культурных разрывах в понимании истории, это важно. Те же социологические данные показывают, что и у самых юных сегодня чувство, объединяющее их с другими поколениями, есть, и оно связано именно с Великой Отечественной войной и с нашей победой, именно вот с этой историософией, которая выросла на совершенно объективной почве.

О чем, кстати, нет-нет да и скажут наши западные партнеры: если бы мы потеряли 27 миллионов, у нас бы тоже такое было. Эти слова произносит герой Юлиана Семенова в «ТАСС уполномочен заявить», но я думаю, что это непридуманная фраза и, возможно, Семенов ее от кого-то слышал.

Поэтому было бы странно, если бы тема Великой Отечественной войны и всего, что с ней связано, не стала тем, чем она стала для большинства из нас.

Разговоры вдогонку

Об академической среде и соцсетях

Владимир Легойда: Я по-прежнему надеюсь на культурное академическое сообщество, которое должно сыграть свою роль и сказать свое слово. Потому что академическая среда — это среда, в которой дискуссии, нередко весьма жаркие, естественны и органичны, од-

нако не приводят к невозможности общения и ненависти друг к другу. Я формировался в академической среде – институтской и аспирантской. И видел, что ситуация, когда люди могут спорить до хрипоты, но при этом находиться в близких, дружеских отношениях, přátельствовать, в здоровой академической среде достаточно распространенная.

Поэтому, мне кажется, навыки и компетенции академического сообщества могут и должны быть более широко востребованы. Потому что пространство, например, современного телевидения, да и интернет-дискуссий, неспособно создать поле диалога.

Очень многие из узлов, которые мы в этих разговорах пытались развязывать, развязываются именно здесь. И какие-то дискуссии можно оставить как раз академической среде, они для нее привычны и проходят без взрывов. Но вот когда эти темы покидают университетские стены, то они обычно приобретают другое звучание. Некой противоположностью взвешенной академической дискуссии является то, что сегодня творится в социальных сетях. Потому что там практически идет очень мощный переход на личности, свертывающий дискуссию по поводу содержания. Я читаю в интернет-пространстве отзывы на очередной выпуск моей программы «Парсуна». Среди них много положительных, но бессодержательных, вроде: «Вижу Мамонова – сразу лайк»

(хотя непонятно, смотрел человек телепередачу или нет). И, конечно, негативные, которые, как правило, сводятся к оценочным суждениям в адрес человека — и тоже непонятно, смотрел человек программу и способен ли отреагировать на то, о чем шла речь. Чаще всего, не смотрел. Но сам факт приглашения гостя вызывает возмущение (или одобрение), позиция приглашенного гостя отождествляется с позицией журналиста — что, вообще говоря, абсурд: журналист не только может, но и должен приглашать собеседников разных взглядов. Профессия обязывает.

Так что дискуссии, которые мы сегодня наблюдаем в соцсетях и часто невольно в них участвуем, прямая противоположность серьезным академическим дискуссиям.

Есть такой положительный стереотип: мы уже не первый век живем в мире науки, и в нашей жизни много рационального и т. п. Но качество дискуссий в интернете показывает, что это не совсем так.

Мы переживаем ситуацию, если угодно, полностью противоположную той, что произошла с учеником греческого философа Фалеса Анаксимандром, придумавшим концепцию, отличную от концепции учителя. Фалес, судя по всему, его при этом всячески подвигал к попыткам по-другому объяснить то, что объяснял Фалес. Так, по мнению ряда исследователей, и рождалась древнегреческая философия и на-

ука: когда ученик не согласился с учителем, будучи при этом поощряемым последним. А в наших сетевых дискуссиях на самом деле очень мало рационального, научного или даже наукообразного. Там правит такая стихия! Да и об уважении к человеку часто не приходится говорить.

Недавно некий критик написал мне в Facebook, что я якобы исповедую какое-то богословие любви (надо всех любить — это самое главное), что это все не соответствует Евангелию. Хотя я всего лишь говорил о том, что политическое противостояние принимает у нас крайние формы и человеку просто отказывают в праве называться христианином, потому что он придерживается той или иной политической позиции: например, не выступает ежедневно против режима («если ты христианин, ты обязан» и проч.) и т. п.

Я был совершенно ошарашен репликой в Фейсбуке одного моего бывшего старшего коллеги по институту — короткой и очень странной. После моей публикации ссылки на «Парсуну» с Маргаритой Симоньян: «Эх, дорогой Владимир Романович! А ведь когда-то мы были вместе. А время-то приближает полный расчет». Помимо прочего, слова эти можно ведь прочитать и как угрозу. Но на мою ответную реплику коллега не отреагировал: вещание давно уже идет в одну сторону. А ведь до недавнего времени мы, хоть и редко, но перезванивались, спи-

сывались, как-то общались. Хотя далеко не всегда наши взгляды совпадали, и это никогда не было секретом.

Эта реакция мне показалась похожей на реакцию еще одного моего старинного приятеля, известного либерала-журналиста. Когда я разместил в ФБ фотографии со съемок «Парсуны» с Марией Бутиной, то началась такая «дискуссия», что хоть святых выноси... И когда по адресу одной известной переводчицы, изумившейся моему выбору гостя, посыпались не самые вежливые реплики подписчиков, я попросил не переходить на личности, так как, несмотря на разницу политических позиций и подходов, отношусь к даме с большим уважением. На что этот мой знакомый либерал-журналист отозвался репликой в том духе, что я просто боюсь подобным образом на будущее. Мол, когда наши придут к власти, надеешься, что за тебя вступятся приличные люди. Видимо, в воображаемом им мире прекрасной России будущего он, вместе с другими людьми со светлыми лицами, уже раздает министерские портфели, проводит люстрации и вообще чувствует себя полноправным хозяином жизни...

Мне всегда была удивительна легкость, с которой люди разбрасываются такими фразами. Я часто слышал от психологов, что те, кто ругается в интернете, в реальной жизни никогда не позволят себе и половину от заявленного радикализма. Не знаю. Меня, например, всегда останавливает мысль, а вдруг дети

невольню увидят какие-то гадости, сказанные об их отце или маме. Потому я думаю, что надо воздержаться от каких-то резких вещей.

Также очень удивился, когда опубликовал в YouTube «Парсуну» с Ильей Кузьменковым, главным редактором радио «Вера», где он говорил, что 90-е годы в чем-то были честнее, тут же в откликах посыпалось: «С ума сошел, что ли! Я бы с ним в разведку не пошла». Такие эмоциональные резкие высказывания без аргументов — это не очень красиво и толкает к скатыванию в ругань. Собеседники с ходу взвинчивают себя до какого-то высочайшего эмоционального накала, заявляют, что в случае чего им на вас наплевать, даже при попытках построить миролюбивый диалог.

Я сам тоже, хотя и стараюсь себя ограничивать, не всегда с этим справляюсь. И как-то на «Парсуне» у меня был важный разговор на эту тему с бывшим резидентом «Comedy Club» Гавром, Гавриилом Гордеевым. Он в силу своей сегодняшней работы очень много общается с так называемыми хейтерами в интернете. Говорит, что ежедневно встречает там потоки немотивированной агрессии в свой адрес, но терпеливо разговаривает, и ему часто удается развернуть человека к спокойному разговору. «Брат, а что ты вот, мол, так? Что я тебе сделал?» По его словам, встретившись с человеческой реакцией, собеседник нередко остывает. Я ему рассказал свою историю общения в ВКонтакте с региональным журналистом,

развязно себя ведущим и пытающимся при этом получить от меня комментарий, я его отослал к замам, он мне ответил длинной эмоциональной записью с заблокированной возможностью ответа на нее. Так вот Гордеев сказал мне, что я не прав: диалога не получилось, результат отрицательный. И я, в принципе, готов с ним по размышлению согласиться. Если можно было с человеком вырлить в мирное русло, то, конечно, надо было так и делать. Задавлив свое эго и не становясь в «официальную позицию». Тем более что уже понимал, что это региональный журналист и у него есть свое СМИ. Он потом записал какой-то ролик, где рассказывал о нашей переписке и о том, какой я негодай...

Так что Гавр прав в том смысле, что нам, конечно, надо быть последовательными в своих призывах. И я должен покаяться, что мне далеко не всегда это удается. И этот недавний пример во мне просто занозой торчит. Так что я призыв к сдержанности в дискуссиях не в последнюю очередь обращаю и к себе.

Разговоры вдогонку

О ценности диалога

Владимир Легойда: Тема ценности диалога была сквозной темой наших разговоров, и я продолжаю сожалеть, что мы живем в обществе непересекающихся монологов и крика.

И я пока не вижу здесь каких-то серьезных изменений в лучшую сторону. Чаще вижу, как мы для себя закрываем саму возможность диалога... Ну о каком диалоге может идти речь, если люди, с которыми я знаком 20 лет, после размещения фотографий съемок «Персоны» с Марией Бутиной, пишут мне: «Как же низко ты пал!» Очень сложно выходить в диалог в ситуации, когда его не ждут.

Человек не ждет диалога. Он пришел тебе дать оценку.

Но так мы снова возводим стены, которые разрушил Христос, показав всю относительность культурных, национальных, профессиональных разделений — с мытарями ведь нельзя было общаться иудеям; с самарянами, с язычниками. И наши убеждения в данном случае и есть те стены, которые мы возводим. И, как и тогда, за ними серьезная логика и культурно-исторические основания и обоснования. А разговор с женщиной — это же был скандал. А Спаситель говорит: это все не важно.

И диалог сейчас намного важнее всех границ и разделений, но мы продолжаем строить стены непонимания. Понимаю, что эти слова обличают и меня самого: вот сюда на разговор не пойду, вот того человека к себе не позову. Деление на «мы — они», столь неизбежное в политическом мире, при политической идентификации (тут всегда будут свои Афины и Спарта) среди христиан должно отступать. Потому что

Евангелие говорит нам: «ни мужеска пола, ни женска; ни элина, ни иудея». Но реальность по-прежнему напоминает грустный анекдот о том, как человек на необитаемом острове построил для себя... два храма. Один, в который он ходит, а второй, в который не ходит. Так и живем...

Разговоры вдогонку

Об оскорблении чувств верующих

Владимир Легойда: Мне лично кажется, что все эти истории с защитой чувств верующих при помощи права и закона свидетельствуют не столько о слиянии Церкви с государством и использовании административного ресурса, сколько о нащупывании неких ориентиров — гражданских и государственных... Для меня, как для человека, который многие годы был членом Совета по правам человека при президенте, все-таки все эти истории, как говорят правозащитники, правочеловеческие. То есть появление этих новых новелл в нашем законодательстве для меня — сознательная позиция государства. Она характеризует не Церковь, а в первую очередь государство. Таким образом государство обозначает свою позицию, как бы говоря: в нашем государстве есть много верующих людей, они обла-